

18+

АРТУР ВАДАЛЕЕВ

Акт благородства

Артур Вадалеев

Акт благородства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64777012

SelfPub; 2023

Аннотация

Просто жуть. На ночь лучше не читать. Финалист конкурса "Нео-нуар 2017" журнала "Самиздат". Отредактированная версия.

Артур Вадалеев

Акт благородства

Небольшой кабинет, выдержанный в тёмных тонах, казался просторным благодаря аскетической обстановке: сейф, стол с креслом, напольная вешалка и пара стульев. За три месяца здесь ничего не изменилось. Единственное, что теперь бросалось в глаза в этом унылом чёрно-белом помещении, это репродукция картины Винсента Ван Гога «Ваза с красными маками», цветы на которой сливались в подобие пышного взрыва в мясном цеху.

Петр Степанович (противная толстая морда с маленькими свинячьими глазками) недоверчиво смотрел на меня, словно я мог представлять опасность. Его пиджак был небрежно накинут на вешалку поверх пальто, а сам шеф, откинувшись в кожаном директорском кресле, сидел в белой рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей; правая рука свисала под стол к выдвижному ящику, где хранился револьвер. Я только что вошёл и сел перед шефом, спокойно, без злобы, но он все равно насторожился – значит, есть от чего. Смерив меня взглядом, Петр Степанович, видимо, убедился в безопасности, закурил и спросил:

– Хочешь выпить чего-нибудь? Коньяк, виски?

– Нет, спасибо, я уже.

– Понятно. Ты теперь всегда носишь тёмные очки?

– Только днём или когда в помещении ярко. Светобоязнь, мать её. Если бы ты затемнил окно да свет приглушил, я бы их снял.

Думаю, такой вариант устраивал обоих: шеф мог бы смотреть мне в глаза, улавливая в них настроение, а у меня началась чесаться переносица. Так и есть: он чуть кивнул, взял со стола пульт, выключил потолочные светильники и запустил механизм жалюзи. Те плавно съехали до подоконника, и на добрую треть кабинета легли полосы теней. Гореть осталась только настольная лампа.

– Так нормально?

– Да, вполне, – ответил я и, наконец, снял очки.

Репродукция вновь обратила на себя внимание. Маки приобрели чёткость и казались настолько яркими, будто сочились алой кровью.

«Я очень плохой человек, а потому обязан сдохнуть, – снова подумалось мне. – Так будет справедливо».

Вообще-то, я уже должен был умереть, но судьба распорядилась иначе...

* * *

Три месяца назад, когда я возвращался поздним вечером домой, на меня напали какие-то ублюдки в масках, жестоко избили и ограбили. Ударили чем-то сзади по голове и добивали ногами, пока я полностью не выключился. Наверное, если бы я не был тогда сильно пьян, то сразу бы отдал дьяволу душу.

Спустя день, выйдя из комы, я очнулся в больнице с разбитой головой, покореженным лицом и травмой глаз. Два с лишним месяца ушло на восстановление, правда, результат оказался плачевным. Мне вставили зубные протезы, титановую пластину в череп, но от сильных головных болей избавиться не смогли – теперь от них спасают только таблетки и крепкий алкоголь. Но больше всего меня потрясли не оставшиеся на лице шрамы, а то, что я стал дальтоником с полной неспособностью различать цвета. Имя этому зверю – ахроматопсия. Что-то случилось с колбочками в глазах, и, как говорится, вуаля – работают одни палочки! Сам я не очень в этом разбираюсь. Врач сказал, что мой случай редкий, так как болезнь эта чисто наследственная и появиться от травм может только в виде исключения из правил. Этот чёртов доктор предложил мне подвергнуться многочисленным исследованиям, то есть попросту стать подопытным животным, но я, разумеется, отказался и выписался, наконец, из больницы. Впрочем за лечение я отблагодарил доктора, подарив ему напоследок двадцатипятилетний Chivas.

Мир предстал передо мной в чёрно-белом цвете, словно в старом телевизоре. Мне и раньше не хватало красок в этой безрадостной жизни, а теперь депрессия стала преследовать повсюду, где бы я ни оказался и куда бы ни взглянул. Рассказы ахроматов о своем житье-бытье не были драматичны, потому что эти люди уже родились с таким недугом и не могли ни с чем сравнивать. Но всё же одно утешение для ме-

ня осталось – восприятие красного цвета, и то, если он достаточно ярк. Все вокруг чёрно-белое, с полным диапазоном серых оттенков, и красный! Иногда такая картина выглядела потрясающе. Помню, минут сорок я стоял ночью на углу большого, сложного перекрестка и замороженно смотрел, как одновременно загорались красным сразу двенадцать светофоров. Будто праздничный салют вспыхивали посреди дождливой чёрно-серой безысходности яркие, слегка размытые сферы, перед которыми покорно останавливались автомобили. Мне тогда показалось, что я очутился в другом мире, в параллельной вселенной, в которой мокрая ночь единственное и правильное время суток.

Однако все усложнялось, когда начинался восход, и наступал день. От света глаза болели и слезились, так что, как и другим ахроматам, мне пришлось постоянно носить солнцезащитные очки. Красный цвет переставал быть столь ярким и впечатляющим, вновь накатывала депрессия, поэтому днём я предпочитал спать, спасаясь так и от мигрени.

Очень часто мне снились кошмары с общим сюжетом. Меня преследовали ожившие мертвецы: иногда выпотрошенные, иногда расчленённые, а бывало, уже полусгнившие, источающие отвратительный смрад. Порой я отбивался от них весело и задорно, но нередко просыпался в мокрой от пота постели. Все эти нелюди не то чтобы хотели разорвать меня, но им, определённо, что-то было нужно, правда, до разговоров дело не доходило, а читать мысли, тем более у покойни-

ков, я не умею. Единственным плюсом в таких снах была их цветность, причём настолько интенсивная, что могла сравниться лишь с картинками в калейдоскопе. Похоже, подсознание старалось хотя бы так компенсировать ахроматопсию.

С этим мне пришлось жить дальше. Как только я оправился и смог более-менее адекватно мыслить, сразу возник важный вопрос: почему во всей этой передрыге пострадала только голова? Больше нигде не было ни ссадин, ни царапинки, как будто так и задумывалось. Совпадение? Возможно, но мне показалось это странным, учитывая характер моей работы на шефа.

По образованию я медик, хирург, но отдать долг специальности не сложилось: после вышки подался в бизнес. Когда же в стране настали тяжкие времена, то, по стечению множества обстоятельств, я оказался чуть ли не на улице. Что ж, бывает, проза жизни, будь она неладна. Тогда один знакомый, царствие ему небесное, предложил мне работать на одну криминальную контору, занимающуюся нелегальной продажей внутренних человеческих органов. Обещали платить настолько хорошо, что я не смог отказаться, правда, стал часто прикладываться к бутылке, чтобы хоть как-то отвлечься от ужаса, в который ввязался.

Место работы располагалось за городом, в небольшом частном крематории без зала для церемониального прощания, а потому здесь сжигались умерщвлённые бездомные животные и трупы людей, которых никто не оплакивал, то

есть бомжей или одиноких. Очень удобное прикрытие для тёмных делишек: минимум персонала и полное отсутствие скорбящих родственников.

Я переквалифицировался в патологоанатома, что особых сложностей не вызвало, хотя пришлось привыкать к специфическим запахам формалина и гари. Официально я числился смотрителем, поскольку такой крематорий, по закону, не может осуществлять судебно-медицинские или патологоанатомические исследования трупов. Вскрытие проводилось в импровизированной секционной морга на прозекторском столе с подведенной к нему водой. Если требовалось, то тело сперва обмывали, затем быстро вскрывали и вырезали всё необходимое. Донорские органы помещались в специальные боксы и куда-то увозились, а остальное сразу отправлялось в печь, от греха подальше. График был ненормированный, иногда меня по несколько дней не вызывали, но случалось выпадали такие дни или ночи, когда через мой скальпель проходило до десяти...людей.

Напрягало в работе, пожалуй, одно. Органы для пересадки, как известно, должны изыматься у только что умерших. Другими словами, в крематорий привозили ещё живых, в основном мужчин, и здесь их убивали. Это были всё те же бомжи, жертвы криминальных разборок, а может ещё кто-то. Двое крепких «санитаров» приносили из соседней так называемой «комнаты смерти» (небольшое тускло освещённое мрачное помещение с бетонными стенами и полом, где

все следы крови и вышибленного мозга смывались в канализацию водой из двух шлангов) и кидали мне на стол ещё тёплое, иногда подёргивающееся тело с простреленной головой или перерезанным горлом. Со временем я привык к этому и без промедления приступал к своим обязанностям. Однако ко мне на стол бросали и таких, которых ещё можно было спасти. Их не приносили из комнаты смерти, их выгружали из только что подъехавшей машины «скорой помощи», припаркованной в гараже, примыкающего непосредственно к секционной. Это были избитые до полусмерти люди, едва подающие признаки жизни, как правило, с черепно-мозговыми травмами (чтобы не повредить внутренности), впрочем, попадались и с гематомами на теле. Но для спасения умирающих не было ни лекарств, ни нужного оборудования, и, понятное дело, за такой гуманизм не похвалили бы. Со своими травмами головы я как нельзя лучше подходил для донорства. Безусловно, это благородно, но меня забыли спросить разрешения.

Ещё когда я лежал в больнице, приходил полицейский разузнать хоть что-нибудь. Но я ничего толком не помнил. Зато он рассказал, что дежурный патруль заметил, как меня избивали два подонка, задержать которых по горячим следам не удалось, так как преступники быстро скрылись, словно волшебники. Патруль вызвал «скорую», которая приехала незамедлительно, будто ждала за углом, и это уже показалось мне странным. Полицейский добавил, что если бы «ско-

рая» не приехала вовремя, то я, наверняка, умер бы, но чутьё подсказывало, что не всё так просто.

Приходил и сам Пётр Степанович: принёс газировку, бананы, сигареты. Не ожидал. Он тоже узнавал, что да как, и на вид был поражен случившимся. Сказал, что пробивал по своим каналам, но тщетно, следовательно, те двое, скорее всего, «гастролеры».

Больше никто не приходил, некому было.

Как я ни старался оставаться оптимистом, но из всех немногочисленных фактов складывалась одна и та же мозаика: дражайший шеф решил слить меня с пользой. В самом деле, нападавшие могли прыгнуть в припрятанную в закоулке «скорую» и переодеться во врачей, обеспечив себе алиби. Это легко объясняло чуть ли не мгновенное их реагирование на вызов, но вместе с тем им пришлось следовать строго инструкции и везти меня именно в больницу, чтобы не наводить лишних подозрений на крематорий. Намеренное травмирование одной головы указывало на то, чтобы продать меня по частям, ведь здоровье у меня хорошее, даже печень до сих пор не беспокоит. Правда, не совсем понятно, почему не добились по дороге? Может посчитали, что я не опасен, а может просто струхнули, ведь пришлось бы объясняться, а политика шефа всегда была однозначна – полная конспирация. Похоже, он решил, что я слишком много знаю и по пьянке могу разболтать кому-нибудь о нехорошем бизнесе, да и банальную ротацию никто не отменял.

Честно говоря, на мысли о коварном плане шефа навёл ещё и сон, который, как и о живых мертвецах, снился не раз. После нападения я прихожу в сознание в помещении с ярким светом и сильным запахом формалина. Надо мной стоит мерзко улыбающийся Петр Степанович в белом халате, с окровавленным скальпелем в руке. Я ощущаю под собой прохладу металла и различаю звук льющейся воды. Наконец, когда я понимаю, что нахожусь в секционной морга и что из меня, ещё живого, сейчас начнут вырезать органы, я теряю сознание, то есть просыпаюсь. Этот же сон подсказал, как мне действовать дальше.

* * *

Сминая окурок в пепельнице, шеф выжидающе смотрел на меня. Косые тени от жалюзи, исполосовавшие его морду и белую рубашку, сделали его похожим на зебру. Я про себя усмехнулся, а в слух сказал:

– Знаешь, Петр Степанович, я хочу отойти от дел. Я просто не смогу по цвету определить пригодность органа. Для меня теперь в основном всё чёрное, белое и серое.

– Жаль, что всё так получилось. – Шеф покосился в окно, затем снова уставился на меня. – Надеюсь, ко мне претензий нет?

– Ну, что ты. Я ведь пришел не только уволиться, но ещё сделать подарок. Хочу подарить конторе свои органы.

Петр Степанович удивленно вскинул брови. По его лицу стало понятно, что он не знает, о чём и думать.

– Неожиданно, – произнес он. – Весьма.

Я вздохнул и сказал:

– Всё, на самом деле, просто. Во-первых, мне в тягость жить: мигрени могут доводить до исступления, а от чёрно-белого зрения сплошная депрессия. И вообще, видеть стал хуже. Вот смотрю сейчас на тебя и не понимаю, здоров ты или нет? Вид у тебя бледный, как у покойника.

На последних словах я не смог сдержать ухмылку.

– Ну, спасибо тебе, – криво улыбнулся шеф, и, облокотившись на стол, сцепил руки замком. – Не волнуйся, со мной всё в порядке. Что во-вторых?

– А во-вторых, хочу совершить акт благородства. Не знаю, куда вы отправляете органы, но явно не на мясокомбинат для ливерной колбасы. Вот и пусть они послужат кому-нибудь другому.

Тишина длилась секунд десять, пока шеф сканировал меня взглядом. Я был под хмелем, спокоен и расслаблен, выглядел, наверняка, естественно.

– Да уж, – произнес Петр Степанович. – Не знал, что ты способен удивлять. Ты хорошо подумал?

– Я в полном здравии и твёрдой памяти.

– И как ты это представляешь?

– Пущу себе пулю в лоб в комнате смерти. Как насчёт завтра вечером?

Петр Степанович о чём-то сосредоточенно думал, явно учуяв что-то неладное, судя по встревоженным глазенкам.

Его правая рука опустилась вниз, затем эта жирная зебра резко встала и направила на меня револьвер.

– Дмитрий Александрович, ты случайно не хочешь меня подставить? Уж больно всё как-то странно получается.

Я был готов к такому развитию событий и нисколько не испугался. Наоборот, во мне вдруг пробудился азарт.

– Раздевайся! – скомандовал шеф.

– Зачем?

– Хочу проверить нет ли на тебе жучка или какого-нибудь там диктофона.

Я встал и начал, не спеша, стягивать с себя верхнюю одежду: куртку, клетчатый кашне, водолазку.

– Да брось, Петр Степанович. Какие жучки? У тебя же всё схвачено по цепочке до генералов ФСБ. Бояться тебе нечего.

– В этом ты прав, но твое предложение настолько необычно, что я не знаю, что и думать.

– Понимаю твою обеспокоенность. Действуй, как считаешь нужным.

Раздевшись до голого торса, я принялся расстёгивать брючный ремень, но шеф остановил меня.

– Ладно, хватит. Можешь одеться. – Он сел в кресло, но продолжал целиться в меня. – Всё равно, что то здесь не так. А давай сегодня всё провернём? Что скажешь, а? У тебя никого нет, попрощаться ни с кем не надо, искать тоже никто не будет. Чего до завтра тянуть?

Я натянул водолазку, накинул куртку, сел на стул и пожал

плечами.

– В принципе, согласен. Просто я думал тебе надо подготовиться, вызвать мясника.

Петр Степанович ухмыльнулся:

– Вызову, придет через час-другой. Он не пьющий, не то что ты.

– Поздравляю с новым приобретением. Смотрю, ты нашел мне подходящую замену.

– Нашёл, нашёл, давно уже нашёл. Не успел вовремя от тебя избавиться. Скажи ментам спасибо.

* * *

Ну вот и все. Я так и думал. Эта тварь сама во всем при- зналась. Но даже если шеф не был бы виноват в нападении тех ублюдков, то неужели он не заслужил кары, вместе со мной?

Он отвел меня под прицелом в комнату смерти, дал ТТ с одним патроном и бутылку с водкой на несколько глотков. Действительно, чего тянуть до завтра? Сейчас придет его новый потрошитель, и всё будет кончено. Безусловно, я попаду в ад, но и оттуда смогу отправить посылку, которая дожидается адресата в моём автомобиле, аккуратненько припаркованном в гараже. Мой универсал доверху набит мощной взрывчаткой, способной поднять на воздух весь этот частный бизнес. Взрывчатку я некогда своровал с военного склада на пару с одним знакомым уголовником. Эх, лихие были деньки: могли даже новенький танк угнать, но нас опе-

редили сами вояки.

Прежде чем я застрелюсь, я проглочу светочувствительный передатчик, обернутый тонким пластом сала. Я предусмотрительно спрятал его в подкладке куртки, а шеф не догадался обыскать вещи; похоже, он решил, что застал меня врасплох, и ни о чём таком не беспокоился, дурачок. Передатчик не очень маленький для глотания, и сало создаст нужное скольжение по пищеводу. При вскрытии желудок на ощупь окажется твёрдым. Его разрежут, хотя бы из любопытства, извлекут передатчик, который тут же сработает на свету, дистанционно запустит детонатор и...БАБАХ!

Об одном только жалею: не смогу увидеть алую праздничную вспышку торжества, освещающую этот унылый чёрно-белый мирок.